

ИМЯ И БЕЗЫМЯННОСТЬ КАК АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Л. Г. Ковалева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 декабря 2010 г.

Аннотация: *исследован антропонимический массив произведения французского писателя Анри Труайя «Семья Эглетьер». Выявлено специальное противопоставление, а в некоторых случаях объединение автором героев с именем и без него. В романе четко прослеживается антропонимический реализм.*

Ключевые слова: *имя, ономастика, французская литература.*

Abstract: *the article is concerned with the research of the anthroponymic data array in the roman French writer Henri Troyat «Les Eygletière». Analysis reveals specific opposition given by the author and in some cases on the contrary, combination of heroes with name and without it. The research reveals anthroponymic realism in the roman.*

Key words: *name, onomastics, French literature.*

2011 год является 100-летним юбилеем со дня рождения Анри Труайя, французского писателя с русской душой. Член Французской академии, его творчество признано почетными литературными премиями, а роман «Паук» (1938 г.) отмечен высшей во Франции наградой – Гонкуровской премией.

Развитие ономастики, в частности литературной ономастики, ведет не только к изучению имен собственных, но и к выявлению особенностей употребления имен собственных в художественном тексте и за его пределами.

Материалом статьи является известное произведение Анри Труайя «Les Eygletière» («Семья Эглетьер»), написанное в 1965–1967 гг.

М. М. Бахтин справедливо отмечает что, язык поэта, автора, творца – его язык, он в нем до конца и нераздельно, используя каждую форму, каждое слово, выражение по их прямому назначению, т.е. как чистое и непосредственное выражение своего замысла. Какие бы «муки слова» писатель ни переживал в процессе творчества, в созданном произведении язык – послушный орган, до конца адекватный авторскому замыслу [1, с. 99]. Так, писатель делает все, чтобы имя собственное содержало в себе и несло необходимую информацию.

Антропонимический массив произведения А. Труайя «Семья Эглетьер» рассматривается по следующим параметрам: 1) цветовая палитра, используемая автором создает визуальную картину; 2) культурно-исторические характеристики, заложенные в имени собственном; 3) ассоциации, связанные с именем; 4) фразеологические обороты, устойчивые выражения с именем собственным; 5) статистические

данные имени собственного, которые отражают антропонимический реализм.

Рассмотрим некоторых персонажей исходя из этой структуры.

Первая жена Филиппа – *Lucie* (Люси) называет детей уменьшительно-ласкательными именами: Жан-Марка – «*Joubi*» (Жуби); Франсуазу – «*Francette*» (Франсет); Даниэля, младшего сына, – «*Loulou*» (Лулу). Делает она это лишь потому, что для нее ее дети всегда остаются маленькими, т.е. в том возрасте, в котором она их бросила. Она совершенно не хочет понять, что ее дети выросли и у них есть уже взрослые проблемы и взрослая жизнь. Эта женщина занята только собой. Выйдя замуж за «типа без особых интересов» (как говорит Мадлен), к тому же младше ее на 10 лет, она всегда старалась выглядеть моложе, современнее, «этаким молодой кокеткой». «Она одевалась и причесывалась всегда ярко, вызывающе». Автор описывает ее так: «...обрамленное светлыми кудряшками лицо увядшей девочки с острым носиком и накрашенными губами» [2, с. 75] («*Alors Lucie leva vers son mari un visage de fillette usée, blonde, au nez pointu et aux lèvres peintes*» [3, с. 70]). Даже Франсуаза осуждает стремление матери казаться моложе: «Франсуаза обернулась и взглянула на мать – слишком моложавую, слишком белокурую» [2, с. 273] («*Françoise se retourna et regarda sa mère – trop jeune, trop blonde*» [3, с. 268]).

Для этого персонажа автор берет имя Люси, которое происходит от латинского *lux* – ‘свет’. Имя ее, по мнению автора, должно было означать, что Люси освещает рождение детей, но отнюдь не согревает их своим теплом (то же, что в русской пословице: «Светит, но не греет»). Возможно, автор указывает на цвет ее волос.

Для этой героини автор выбирает достаточно тусклую цветовую палитру: 1) *Une large baie vitrée, des placards partout, le chauffage à travers le parquet, des murs minces couleur vert d'eau, une moquette rouille, des meubles en sycomore verni, quelques tableaux très léchés dans des cadres de pâtisserie blanche* [3, с. 69] (бледно-зеленые стены, плюшевый ковер цвета ржавчины, полированная мебель из клена, несколько бездарных картин в белых, как беже, вычурных рамах [2, с. 72–73]); 2) *La soie mauve pâle s'écrasait sous le nez de l'appareil* [3, с. 269] (бледно-сиреневый шелк [2, с. 278]).

По статистическим данным INSEE (Institut national de la statistique et des études économiques – Национальный институт статистики и экономических исследований), имя *Lucie* по популярности находится на 50-м месте в XX в.; более того, пик приходится на 1920 г. (2268 человек), а по роману (1965 г.) этой героине чуть более 40 лет, что подтверждает антропонимический реализм. Повышение популярности этого имени отмечено в 1964–1967 гг. [4].

Yves Mercier (Ив Мерсье) – второй муж Люси, на 10 лет младше ее. «Любитель спорта, когда-то сам успешно занимался им, но работа в американской фирме по продаже пластмассы не оставляла времени на спорт. Невысокий, смуглый, коренастый, с низким лбом», он обожал смотреть футбол [2, с. 71]. Жена зовет его *Ивон* (*Yvon*). Ив (*Yves*) – происходит от древнееврейского *Johanan* (разновидность имени Иван). Фамилия *Mercier* – от латинского *merciarius* – ‘продавец, распространитель товаров’, что прекрасно соответствует роду деятельности Ива [5, с. 430].

Фразеологический словарь дает следующие выражения: *Mercier*: 1) *il tuerait un mercier pour un peigne* – он готов из-за гроша человека убить; он человеческую жизнь ни в грош не ставит; 2) (*à*) *petit mercier petit panier* – (пословица) по одежке протягивай ножки [6, с. 678].

Имя *Yves* занимает 46-е место популярности в XX в., которая начинается в 1920-х гг. (2024 человек), а пик популярности достигает в 1947 г. (6426 человек) [4].

Angélique (Анжелика) – маленькая дочь Люси и Ива, которой всего 8 месяцев. Франсуаза говорит про нее: «Малышка такая прелестная и очаровательная!». Люси зовет ее *Луку* (*Liky*) – уменьшительно-ласкательное имя. Этому маленькому человечку и имя дано ангельское, от *angelus* – ‘божий вестник, ангел’ [5, с. 9].

Естественно, цвет для малышки автор выбирает соответствующий: «Анжелика болтала ножками в своей розовой деревянной кровати с вышитыми гладью занавесочками» [2, с. 76] (*Angélique gigotait dans son petit lit de bois peint en rose, à rideaux de plumes* [3, с. 72]).

Имя находится на 117-м месте в XX в. Рост популярности данного антропонима начинается в 1963–

1964 гг. (1964 г. – 65 человек с этим именем) [4].

Следует отметить наличие случаев безымянности в произведении. По мнению некоторых ученых, стремительный процесс исчезновения имен в литературе XX в. положил Кафка. В нашем случае безымянность сочетается с хорошо продуманными именами.

Интересно представляет Анри Труайя окружение Жан-Марка – старшего сына Люси и ее первого мужа.

Carole Eygletière (Кароль Эглетьер) – 32-летняя вторая жена Филиппа, мачеха детей, на первый взгляд утонченная, элегантная женщина, интересующаяся жизнью своих пасынков и падчерицы, оказывается искусной хищницей, не менее эгоистичной, чем ее супруг. Немаловажен тот факт, что Кароль когда-то звалась Шарлот / *Charlotte* (что отмечает сам автор), эта деталь подчеркивает двуличность ее натуры, ее стремление во что бы то ни стало быть лучше, чем она есть на самом деле, самой красивой, с претензией на аристократические манеры, и, естественно, иметь самое красивое и благозвучное имя. Имя же *Charlotte* (Шарлот) – достаточно устаревшее (было популярно в 1906 г.), происходит от старофранцузского имени *Charles* (от древненемецкого имени *Karl* – ‘мужественный’). Имя *Carole* происходит от латинского *Carolus*, затем *Charles* [5, с. 112]. Здесь возможна ассоциативная связь с династией Каролингов (*Carolingien*), которая тоже происходит от *Carolus*, затем *Charles*. Таким образом, можно сказать, что, изменив свое имя, Кароль изменила свою судьбу, стала «королевой» в доме Эглетьер. Даже Мадлен восхищается ее стройным, гибким телом, маленькой головкой кошки, очень короткими волосами, общим шармом. Хотя она не была самой настоящей красавицей, но манера держать себя, умение подать себя делали ее настоящей королевой. У нее «тщательно продумана гармония ее туалета и украшений, взглядов и жестов» [2, с. 102]. «Этот простой жест, этот смех были настолько чарующими, что Мадлен доставляло удовольствие смотреть на Кароль. Живая, веселая, красивая, всегда приятно посмотреть. Тем не менее она не могла доверять ей. Чем больше Мадлен восхищалась изысканными чертами лица Кароль, тем больше она остерегалась того, что прячется за этим совершенством». Можно сказать, что имя Кароль отражает ее царственную сущность: «И тут в гостиную вошла Кароль. Ее появление произвело сенсацию: изящная, непринужденная, веселая, она сумела каждому улыбнуться и каждому сказать что-то приятное. В один миг все взоры устремились на нее. Молоденькие девушки сразу поблекли, пока Кароль щебетала: «Не беспокойтесь!.. Ну что вы... Я только на минутку!..». Даже Козлов наблюдал за ней с благосклонным любопытством, как если бы Кароль демонстрировала прекрасно отработанный номер. Мадлен подумала, что притворство, доведенное до

такого совершенства, почти искусство. А Франсуаза меж тем предложила мачехе лучшее кресло, и Кароль опустила в него, точно бабочка на цветок. Вокруг нее тотчас образовался круг. Она не произнесла ничего значительного, однако все слушали ее с удовольствием и даже с интересом» [2, с. 181].

Авторское отношение к герою проявляется также через имя. Например, писатель иронично называет Кароль – «Casserole», что значит «кастрюля». Пасынок Даниэль называет так Кароль в шутку, потому что, находясь на выходных в загородном домике, Кароль готовила сама, тогда как в Париже этим занималась прислуга.

Отношения с мужем переросли в привычку, она прекрасно осведомлена о его изменах и как говорит сама Кароль: «Подобные отношения требуют трезвости и выдержки! Хотя я и не люблю твоего отца, как прежде, он остается моим союзником, другом, человеком, чье имя я ношу! [2, с. 165]» (Cela demande de la lucidité et de l'intelligence! J'ai beau ne plus aimer ton père comme, autrefois, il est pour moi un allié, un ami, l'homme dont je porte le nom! [3, с. 161]). Для нее скорее важно имя, а точнее фамилия, которая дает ей определенный статус и материальное благополучие. Напомним, что Филипп Эглетьер – известный адвокат не только Франции, но и за рубежом.

Кароль соблазняет своего пасынка – Жан-Марка, чтобы отомстить мужу за его измены. Влюбленный Жан-Марк вдали от Кароль «радуется от того, что хотя бы произносит ее имя» [2, с. 189] («Carole, Carole!» dit-il à voix basse pour le plaisir de prononcer son nom [3, с. 185]). За такое поведение автор частенько называет Кароль дьяволом: «Изменяя Филиппу, Кароль платила ему той же монетой. Но избрать партнером пасынка было дьявольской затеей» [2, с. 228] (En le trompant, Carole lui rendait la monnaie de sa pièce. Mais l'idée d'avoir choisi son beau-fils était diabolique [3, с. 222]) – так считает Мадлен, и Франсуаза, дочь Филиппа, того же мнения: «Эта женщина... Она настоящий дьявол!...» [2, с. 237] (Cette femme... c'est le diable!... [3, с. 231]). Предусмотрительная Кароль обеспечила себе благополучие даже в случае развода, настояв на том, чтобы у них не было брачного договора. Сам автор справедливо отмечает: «В Кароль словно соединились хрусталь и металл: под оболочкой стальной маской – ложь, эгоизм и жестокость» [2, с. 252] (Elle regardait Carole comme une créature phénoménale de cristal et de fer, une concentration de mensonge, d'égoïsme, de cruauté, sous le plus joli masque du monde [3, с. 246]).

Чтобы придать изысканность Кароль, показать яркость ее натуры, автор берет широкую палитру красок: 1) «Les yeux gris-vert de Carole l'avertirent qu'elle ne devait pas compter l'intimider en haussant le ton» [3, с. 245] (взгляд серо-зеленых глаз) [2, с. 251];

2) «... ses pantalons fusseaux aux couleurs rares et ses pull-overs dernier cri étaient déplacés dans cette nature rude, belle et austère» [3, с. 92] (узкие брюки экстравагантных расцветок [2, с. 96]); 3) «Cette robe bleu nuit ne l'avantageait guère» [3, с. 125] («темно-синее платье [2, с. 130]); 4) «la couleur vert émeraude accusait la finesse de ses traits et la luminosité ambrée de sa peau» [3, с. 144] (Изумрудный шелк на редкость удачно оттенял тонкость ее черт и янтарную прозрачность кожи [2, с. 149]); 5) «Elle troqua son tailleur jaune paille contre un déshabillé rose thé, s'installa dans un petit fauteuil devant sa coiffeuse» [3, с. 318] (легкое домашнее платье цвета чайной розы [2, с. 321]). Присутствуют также такие цвета, как серый, черный, золотой, бежевый, соломенный.

Фразеологический французско-русский словарь имеет лишь такое выражение: *abouler du carle* – арготонизирующая монета [6, с. 165/186].

По статистическим данным, начиная с 1940 г. происходил процесс повышения популярности имени Кароль (5 человек названы этим именем), а начиная с 1964 г. можно говорить и о стабильной популярности этого имени (1964 г. – 3641 человек, 1965 г. – 4097, 1966 г. – 4118, в 1967 г. – 4404, 1968 г. – 4450 человек). Оно занимает 100-е место среди самых популярных имен XX в. [4].

Как противопоставление этому персонажу Анри Труайя представляет другую героиню.

Девушка в театре – этот персонаж без имени. Жан-Марк видит ее в театре на концерте классической музыки, куда он приходит вместе с Кароль. Жан-Марк очень переживает, что у него обычный костюм, а Кароль одета в эффектное вечернее платье. «Старательно разглядывая публику, он в конце концов обнаружил человек пятнадцать не в вечерних туалетах. Позади Жан-Марка сидела молодая женщина в очень простом зеленоватом платье; необычайно чистое, тонкое лицо ее было обращено к эстраде. Пока Жан-Марк любовался ею, Кароль шепнула ему на ухо:

– Сзади, налево от тебя, очень красивая девушка!

– Да, – ответил он. – Она недурна» [2, с. 98]

(A force de chercher, il découvrit néanmoins une quinzaine de personnes qui n'étaient pas en tenue de soirée. Une jeune femme, aussi sur sa gauche, dans la rangée suivante, portait une robe tilleul très simple et tendait vers la scène un profil d'une exceptionnelle pureté. Pendant qu'il la contemplait, Carole lui chuchota à l'oreille:

– Il y a une très jolie fille, à ta gauche! Tu l'as vue?

– Oui, dit-il. Elle n'est pas mal! [3, с. 94]).

Автор не случайно вводит эту девушку в повествование, она является противопоставлением наряженной, но бездушной Кароль. Этой безымянной девушке совершенно не нужны дорогие наряды, чтобы выглядеть красиво и естественно. Случай безымянности не единственный в романе.

Micky (Мики) – бывшая ветреная подружка Жан-Марка. Ее социальный статус очень низок. «Очевидно, студенты передавали друг другу адрес этой девушки. В конце концов весь Парижский университет пройдет через ее постель. Она работала подручной у парикмахера, мыла головы клиентам и собиралась, по ее словам, овладеть сложным ремеслом парикмахера-модельера. Мики питала слабость к образованным молодым людям не старше тридцати лет» [2, с. 79] (De toute évidence, on se repassait l'adresse de cette fille entre camarades. Elle finirait par recevoir toute l'Université de Paris dans son lit. Shampooineuse de son état, elle se destinait, disait-elle, au dur métier de coiffeuse d'art et avait un faible pour les intellectuels à conditions qu'ils eussent entre dix-neuf et trente ans [3, с. 75]). Эта девушка любит выпить виски. Автор дополняет образ фразой «от нее пахло приторными дешевыми духами» [2, с. 81]. «Поднявшись с черного хода на верхний этаж, где находились комнаты для прислуги, одну из которых снимала Мики, Жан-Марк услышал голоса ...» [2, с. 78] (En débouchant dans le couloir qui desservait les chambres de domestiques, Jean-Marc entendit des voix ... [3, с. 74]). Обстановка этой комнаты говорит за ее хозяйку: «В крохотной комнате было сильно накурено. Освещалась она только ночником с лампочкой, выкрашенной красным лаком для ногтей. Из проигрывателя доносилась избитая ковбойская песня» [2, с. 78] (La chambre, minuscule, était pleine de fumée. Pour tute lumière, une lampe de chevet dont l'ampoule était badigeonnée de vernis à ongle rouge. D'un tourne-disque s'échappait une rengaine de Cow-boys [3, с. 74–75]).

Мики протянула ему руки, откинув назад *светло-рыжие* волосы [2, с. 79] (Micky lui tendait les mains et rejetait en arrière ses cheveux d'un blond roux [3, с. 75]). Заметим, что цветовая палитра этого персонажа вызывающе красная.

Имя *Micky* американское, вариант от *Michael*, скорее всего здесь есть намек на диснеевского персонажа *Mickey Mouse*, ставшего культовым у американцев (дата появления – 1928 г.). Труайя недаром упоминает про то, что «ему (Жан-Марку) давно приелись ее ужимки и заливиный смех» [2, с. 67] (Micky avait fini de l'exciter avec ses contorsions et rires en cascade [3, с. 64]). Американское арготическое выражение *Mickey Mouse* значит 'второсортный, тривиальный, избитый, пошлый'. В Англии и Ирландии означает также низкое качество, что-либо 'фальшивое, лицемерное'. Именно эти качества автор и хочет подчеркнуть в этом персонаже.

Подруга *Micky* (Мики) – у нее нет имени, однако то, что она подруга Мики, причем лучшая, уже характеризует ее как отрицательного персонажа. «На тахте сидела загадочная подруга Мики, сухопарая дылда с лошадиным лицом» [2, с. 79] (Il y avait là une grande bringue sèche, au profil chevalin, qui était la meilleure amie de Micky [3, с. 75]). Более того, она всегда не прочь выпить.

Анализ антропонимии романа показывает, что Анри Труайя специально подбирает каждое имя персонажа в соответствии с авторским замыслом. Это всегда имена с высокой степенью коннотативной культурной нагруженности, глубоким смыслом, деликатным намеком. Имя определяет судьбы персонажей, отражает их внутренний мир, раскрывает их истинное лицо. С помощью имен собственных автор создает яркие персонажи, непохожие друг на друга, но имеющие свою изюминку. Каждому персонажу писатель дает «свой цвет», что также помогает создавать визуальную картину у читателя. Более того, автор вплетает в канву романа безымянных героев, которые по эмоциональной нагрузке ни в чем не уступают персонажам с именами. Безымянность иногда противопоставлена имени, иногда объединяется с именем. Анри Труайя использует имена или набирающие популярность, или находящиеся на пике популярности по статистическим данным; он, безусловно, учитывает реальную ситуацию популярности имен во Франции и стремится как можно ближе и ярче показывать реальную жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худож. лит., 1975.
2. Труайя А. Семья Эглетьер / А. Труайя ; пер. Н. Столяровой. – М. : СЛОВО, 2002. – 348 с.
3. Troyat H. Les Eygletière / H. Troyat. – Paris : Flammarion, 1965. – 346 p.
4. Rapoport S. L'Officiel des prénoms [Электронный ресурс] / S. Rapoport. – Режим доступа: www.meilleursprenoms.com
5. Dauzat A. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France / A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2001. – 624 p.
6. Рецкер Я. И. Французско-русский фразеологический словарь / Я. И. Рецкер. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1110 с.

Воронежский государственный университет

Ковалева Л. Г., аспирантка кафедры романской филологии

E-mail: Lala_kova@list.ru

Тел.: 8-905-049-08-05

Voronezh State University

Kovaleva L. G., Post-graduate Student, Department of Romance Philology

E-mail: Lala_kova@list.ru

Тел.: 8-905-049-08-05